

и об архаизме конструкций типа гот. *hwas riudans* 'кто в качестве царя', ранее рассматривавшихся как результат переосмысления греческого оригинала готским переводчиком⁸. Гипотеза Лемана, по которой в ведийских препозитивных относительных конструкциях с *ya-* можно видеть истоки балтийских и славянских форм прилагательных на **-jo-* (с. 62, 63), соответствует мысли, еще 20 лет назад высказанной Б. Розенкранцем⁹. Выводы, касающиеся истории относительных конструкций с **k^{we}(i)-* и **-jo-* в индоевропейских диалектах (с. 169), можно было бы дополнить анализом употребления тех же элементов как энклитических показателей синтаксической связи (типа лат. *-que*, хет. *-ja* 'и'). В частности, если верен вывод Лемана, который вслед за Мейе основным способом синтаксической связи в индоевропейском считает приложение типа др.-инд. *dyauh pitā* 'Небо — отец', греч. *Ζεὺς πατήρ* 'Зевс — отец', лат. *Jupiter 'Юпитер'* (с. 87—89), то для типологического осмысления приложения как факта языка OSV существенна выявленная Вакернагелем архаическая конструкция в древнеиндийском и греческом, где за первым (и вторым) именем в форме звательного падежа следует конечная форма приложения в именительном падеже и энклитический союз **k^{we}* 'и', как в гомеровском *Ζεὺς πατήρ... Ἠέλιος τε* (O) 'Зевс — отец и бог солнца'¹⁰.

Относительное (или в более широком смысле связывающее) **-jo* обнаруживается в энклитической позиции не только после имени (в частности, в сложном показателе родительного падежа **-s-jo*), но и после глагола (гал. *dugiiontio* 'те, кто служит')¹¹.

Леман принимает гипотезу Дельбрюка о происхождении генитивных конструкций из родительного предикативного, подтверждаемую как древнеиндийскими примерами (из брахманической прозы), так и обычным для хеттского языка предикативным использованием родительного падежа (с. 75); ее можно подкрепить и древнеирландскими конструкциями¹²: др.-ирл. *is cuil 'это греховно'* (буквально 'это греха') аналогично хет. *n-aš daštulaš* '(и) он — грешник' (буквально — 'он — греха').

В четвертой главе книги (с. 91—174) грамматические категории и формы индоевропейского глагола описываются как

соответствующие типу OV. С этой точки зрения, известную хронологическую трудность может представить относительно поздний характер таких агглютинативных глагольных (а отчасти и именных — во множественном числе имени существительного) форм, как, например, медиопассивные на **-t-o-r(-i)*, **-t-o-r(-u)*, распространение которых происходит в отдельных диалектах, когда в них, по Леману, уже началось движение в сторону типа VO. Исходная агглютинативная цепочка грамматических элементов состояла не только из аффиксов, но и из частиц, к которым могло относиться, в частности, и *-r* в медиопассиве¹³. Частица, выражавшая вопрос в латинском (*-ne*, встречающееся 1100 раз у Плавта и 40 раз у Теренция), авестийском (*-na*) и германском (др.-в.-нем. *na* в конце вопросов) могла быть родственна отрицанию **ne*, что нашло бы параллели в таких языках типа OV, как кечуа и тюркские (с. 102). Кажется возможным, что и другие глагольные категории, разбираемые Леманом, в общиндоевропейском, как в хеттском, выражались прежде всего синтаксическими средствами: это относится к хеттским видовым частицам типа *kan* и *šan*, имеющим надежные соответствия с тем же древним значением в других диалектах, а возможно, и к передаче значений ирреального наклонения посредством частицы в хеттском. Бесспорно происхождение из частицы по отношению к *e-* аугмента, где Леман объясняет его перемещение в начале глагольной формы из положения после глагола (согласующеся и с выводами неострагического внешнего сравнения)¹⁴.

¹³ Гипотеза Уоткинса (*Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. — Indogermanische Grammatik, hrg. von J. Kuryłowicz, Bd III, Formenlehre, T. 1, Heidelberg, 1969, S. 194—196*), с которой согласуется и сходное объяснение лит. *ugā* 'есть': *Hamp E. P. yra. — «International Journal of Slavic linguistics and poetics»*, 1974, v. XVII, p. 7, 8, ср. о возможности связи *ugā* с формами на *-r* (в том числе медиопассивными) в других диалектах (Иванов В. В. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1968, с. 234). Частица, давшая окончание *-r*, может быть отражена не только в греч. *ἄρα*, лит. *iš 'и'*, тох. В *ra* (по Уоткинсу), но и в брет. *ra*, др.-вал. *ry*, *Hemon R. A Historical morphology and Syntax of Breton (Mediaeval and Modern Breton Series, vol. III)*. Dublin, 1975, p. 279, 296.

¹⁴ *Ильич-Свитич В. М. Опыт сравнения нестратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М., 1971, с. 250*. Ср. сходное соотношение между конечным **-H-и-* в индоевропейских глагольных формах 1-го лица «перфектной» (инактивной) серии и начальным положением соответствующих префиксов в картвельском и т. п.

⁸ *Sturtevant A. M. Gothic syntactical notes. — «The Journal of English and German Philology»*, 1947, vol. XLVI, № 4, p. 407—412.

⁹ *Rosenkranz B. Zur Entstehungsgeschichte des Baltischen und Slavischen... — «Die Welt der Slaven»*, Jg. III, 1958, H. 2.

¹⁰ *Wackernagel J.* Указ. соч., с. 7.

¹¹ *Thurneysen R. A grammar of Old Irish.* Dublin, 1946, p. 323, 328, 364.

¹² *Thurneysen R.* Указ. соч., с. 159. Насколько известно рецензенту, сопоставление с хеттским впервые предложено А. А. Королевым.